

В.П. КАЗАКОВ

Д.Ф. САРМЬЕНТО – ПРЕЗИДЕНТ-РЕФОРМАТОР АРГЕНТИНЫ (1811–1888)

Доминго Фаустино Сармьенто занимает особое место в аргентинской истории. Его по праву называли “строителем новой Аргентины”. Деятельность Сармьенто не ограничивалась одной областью. Как журналист, писатель, педагог, социолог он внес неоценимый вклад в формирование национальной культуры. Как реформатор-президент он боролся за превращение Аргентины в передовое государство.

Родился Сармьенто 15 февраля 1811 г. в городке Сан-Хуан – столице одноименной провинции на западе Аргентины в старинной, но обедневшей семье, история которой восходила ко времени конкисты. Впоследствии он с гордостью вспоминал, что его семья “дала стране двух историков, четырех депутатов в конгрессах Аргентинской Республики и трех крупных деятелей церкви”. Отец его, Хосе Клементе, был креолом, потомком испанских переселенцев; мать, Паулина Альбаррасин, происходила из испано-мавританского рода. Доминго Фаустино был пятым ребенком в семье и единственным мальчиком.

Семья жила в бедности. Дом содержался благодаря упорному труду матери. От нее Доминго унаследовал трудолюбие, упорство в преодолении тягот жизни. Его отец, типичный креол, непрактичный и великодушный, нашел себя в общественной жизни. С началом войны за независимость он стал восторженным приверженцем патриотических идей, участвовал в походе Сан-Мартина в Чили, по возвращении на родину за свое красноречие был прозван “Матерью Родиной”. Доминго Фаустино не нужно было учить патриотизму – перед его глазами стоял пример отца.

Детство Сармьенто прошло в обстановке нежной заботы матери, внимания отца и старших сестер. Уже в раннем детстве проявились его способности. Его дядя, священник, научил ребенка читать, когда тому едва исполнилось четыре года. Помимо склонности к чтению, он понимал объяснение любого дела, имел прекрасную память. В пять лет Доминго Фаустино правильно и с выражением читал, что свидетельствовало о понимании им прочитанного. Это умение привлекало внимание: мальчика водили из дома в дом, чтобы послушать, как он читает.

В пять лет он поступил в открывшуюся в Сан-Хуане “Школу Родины”, где господствовал дух идей Просвещения, республиканизма, патриотизма. Здесь ученикам прививали чувство равенства: независимо от социального происхождения они были обязаны обращаться друг к другу “сеньор”. За успехи в учебе Сармьенто был отмечен особо: ему как “первому гражданину класса” было сооружено высокое кресло, возвышающееся над остальными. На всю жизнь у него остались благодарные воспоминания о школе и учителях. Уже будучи педагогом и посетив главные образовательные центры Европы и США, он приводил свою родную школу в качестве примера того, что в Южной Америке возможно преподавание на уровне самых передовых стран мира.

Донья Паула хотела, чтобы сын стал священником, и Доминго Фаустино проводил время за чтением Библии. Он рос одиноким ребенком, не дружил с детьми своего

возраста и не участвовал в их играх. По его собственным словам, он “не умел закрутить волчок, отбить мяч, запустить змея, не увлекался ни одной из этих детских игр”. В школе он увлекался рисованием и лепкой, “причем лепил с равным старанием вещи явно несовместимые – святых и солдатиков”. Последнее было связано с влиянием отца. Если от матери он узнавал о традициях колониальной жизни, то от отца – “идеи и тревоги новой революционной эпохи”.

Завоевание независимости не принесло Аргентине внутреннего мира. В стране началась гражданская война между унитариями и федералистами. Федералисты выступали против президента Б. Ривадавии, стремившегося “европеизировать” Аргентину. Семья Сармьенто принадлежала к федералистам и активно участвовала в развернувшейся в Сан-Хуане политической борьбе. Успех сопутствовал попеременно то федералистам, то унитариям. Государственные перевороты, мятежи следовали друг за другом.

Девять лет Доминго Фаустино проучился в “Школе Родины”, а потом попытался продолжить образование в Кордове и Буэнос-Айресе, но безуспешно. Учебе препятствовали как положение в стране, так и отсутствие средств у семьи. Однако выход был найден: мальчик продолжил учебу у дяди, священника Хосе де Оро, сосланного унитариями в местечко Сан-Франциско де Монте.

Падре Хосе, убедившись в способностях племянника, обучил его латыни и другим предметам, заставлял читать те немногие книги, которые у него были. Вместе они основали школу, которую посещали два великовозрастных брата. Это был первый педагогический опыт Сармьенто. Здесь проявилась его склонность к преподаванию и зародилось понимание важности народного образования. Дни, проведенные в Сан-Франциско де Монте, стали одними из самых счастливых в жизни молодого Сармьенто. Общение с Хосе де Оро способствовало формированию его личности. Именно “ему, – как признавался Доминго Фаустино, – он был обязан склонностью к общественной деятельности, любовью к свободе и отчизне”.

По возвращении в Сан-Хуан пятнадцатилетний Сармьенто стал работать в лавке у своей тетки Анхелы Сальседо. Работа не нравилась ему, но она оставляла время для чтения. Он читал все подряд, в том числе Ж.-Ж. Руссо и Т. Пэна. Воспитанный в религиозной среде, юноша открыл для себя новый мир. Чтение биографии Б. Франклина, по свидетельству самого Сармьенто, перевернуло его жизнь. “Я воображал, – признавался он, – себя Франклином, а почему бы и нет? Я был очень беден, как и он, и так же жаден до знаний”¹. Позднее Сармьенто пришел к убеждению, что на примере Франклина необходимо воспитывать подрастающее поколение, и даже хотел написать специально для детей его биографию.

Сармьенто приходилось доходить до всего своим умом, не полагаясь на учителей и школу. Это развило у него способность самостоятельно мыслить. Вся его последующая интеллектуальная жизнь была наполнена динамизмом, поиском новых, нетрадиционных ответов на возникающие вопросы. Он мог ошибаться и нередко ошибался, но он не был пленником застывших, безжизненных идей.

С детства Сармьенто был федералистом и католиком больше по семейной традиции, чем по убеждению. Но по мере взросления он стал задумываться, задавать себе вопросы. В чем смысл бесконечных переворотов? Почему свергли губернатора Сан-Хуана С.М. Дель Карриля, либерала, но человека достойного и уважаемого, много хорошего сделавшего для провинции? Почему священнослужители противодействуют религиозной свободе, которую ввел Дель Карриль, если все говорят, что они революционеры, и если Майская революция произошла во имя свободы? Почему многие священники культивируют религиозный фанатизм и ненависть народа к либералам, унитариям? Постановке этих вопросов способствовало чтение литературы, критикующей пороки католической церкви.

¹ Сармьенто Д.Ф. Избранные сочинения. М., 1995, с. 414.

Чтение, особенно литературы европейского Просвещения, открывало ему картину мира, который должен быть рационально организован и понятен. Рациональный мир в политике, экономике, общественной и повседневной жизни. Мир, в котором идеальным человеком был Франклин – изобретатель, дипломат, философ.

Картина мира, которую молодой Доминго Фаустино рисовал в своем воображении, не имела ничего общего с реальностью. Вокруг себя он видел хаос, отсутствие рациональности и порядка. Но он не отказывался от своего идеала. Да, мир Сан-Хуана и Аргентины не вписывался в картину мира, которая сложилась у Сармьенто в результате чтения и многих бесед с либералами. Но этот идеал был, возможно, реальностью во Франции – Руссо или в США – Франклина. Он мог не существовать в Южной Америке, но лишь только временно.

В 1827 г. армия федералистов под командованием каудильо Факундо Кироги заняла Сан-Хуан. Вид грязных, полуодетых, бородатых и непричесанных военных поразил Д.Ф. Сармьенто. Новый губернатор, ставленник Факундо Кироги, призвал Сармьенто на службу в провинциальную милицию. Сармьенто отказался и был арестован. Только благодаря вмешательству родных он получил свободу. Позднее Д.Ф. Сармьенто вспоминал, что он вошел в тюрьму как член семьи федералов, а вышел – унитарием. Темперамент бойца не позволил ему уклониться от борьбы. Он присоединился к войскам унитариев и получил чин лейтенанта. Сармьенто был убежден, что с силой надо бороться силой. У него не было ясной позитивной программы, но он твердо знал, что нужно бороться против каудильизма, таких федералистов, как Факундо Кирога.

Три года Д.Ф. Сармьенто участвовал в гражданской войне. Он попал в плен к федералистам, ему грозила смерть, и лишь заступничество одного офицера спасло его. Факундо Кирога угрожал расстрелять Сармьенто, если он ему попадется. В 1831 г., после поражения унитариев, Сармьенто эмигрировал в Чили.

В Чили Сармьенто стал работать учителем в муниципальной школе, но вскоре оставил преподавание. Властям не понравились его методы обучения. Он организовал собственную школу, но и она просуществовала недолго. В школе в Доминго влюбилась ученица и родила ему дочь Эмилию Фаустину. Незаконнорожденную дочь отослали в Сан-Хуан на воспитание бабушке. Д.Ф. Сармьенто пытался заниматься коммерческой деятельностью, а потом стал управляющим на одной из шахт серебряных рудников в Копьяно. В 1835 г. он возвратился в Сан-Хуан, где после смерти Факундо Кироги политическая ситуация изменилась: прекратились гонения на унитариев.

Возвратившись на родину, Сармьенто продолжил педагогическую деятельность и добился открытия светской школы для девочек – Колехио Санта-Роса, которая стала первым учебным заведением подобного рода в Южной Америке. Молодой педагог полагал, что успешная реформа общества возможна лишь через развитие системы школьного образования, которая должна охватывать и женщин. Он разработал программу занятий, соединив в ней основные школьные предметы и практическое применение полученных знаний в домашнем хозяйстве. Для развития у девочек чувства равенства вводилась школьная форма. Торжественное открытие школы состоялось 9 июля 1839 г. На открытии с речью выступил Сармьенто.

В Сан-Хуане Сармьенто познакомился с группой молодежи во главе с Мануэлем Кирогой Росасом, у которого была библиотека новейшей французской литературы: книги Ж.Э. Лермина, А.Ф. Вильмена, П. Леру, Ф. Гизо, В. Кузена, А. Токвиля. Авторы, о которых, по признанию самого Сармьенто, он ничего до этого не знал. Началось чтение и обсуждение прочитанного в библиотеке Кироги Росаса. “Я прошел тогда, – писал Сармьенто, – двухгодичный курс философии и истории. По его завершении я стал ощущать, что до той поры бывший лишь зеркалом чужих идей, мой собственный ум начал просыпаться и приходить в движение”².

Д.Ф. Сармьенто и его друзья регулярно обсуждали политические и общественные проблемы. Всех их объединяло неприятие установившейся в стране диктатуры

² Там же, с. 418.

Х.М. Росаса, стремление изменить общество, в котором они жили. Вскоре они установили контакты с руководителями антидиктаторской оппозиции в Буэнос-Айресе – Э. Эчеверрией, Х.М. Гутьерресом, Х.Б. Альберди, В.Ф. Лопесом – поколением 1837 г., объединившемся в Майскую ассоциацию. Эта ассоциация ставила своей целью восстановление в стране принципов Майской революции 1810 г., борьбу против диктатуры Росаса, которую они рассматривали как контрреволюцию.

Майская ассоциация начала создавать свои филиалы в провинциях, в том числе в Сан-Хуане. Здесь центральной фигурой стал Д.Ф. Сармьенто, завоевавший уважение своих друзей практической работой. Он основал еженедельную газету “Эль Сонда”, со страниц которой критиковал господствующие порядки.

Власти очень скоро осознали опасность деятельности Сармьенто: газету закрыли, а ее редактора арестовали. Лишь вмешательство матери и сестер спасло его от смерти. Он снова был вынужден эмигрировать в Чили. При переходе границы он написал под последним попавшемся ему аргентинским гербом ставшую знаменитой фразу: “Идеи убить нельзя!”.

В Чили начался новый этап в жизни Сармьенто. Как журналист он сотрудничал в крупнейших изданиях Вальпараисо. “Печать, – признавался он, – заменила трибуну и амвон, печатное слово – устное и проповедь”³. Д.Ф. Сармьенто основал первую в чилийской столице газету “Эль Прогресо”. В 1845 г. он опубликовал в ней “Фаундо” – философско-художественное произведение, полное название которого – “Цивилизация и варварство: Жизнеописание Хуана Фаундо Кироги, а также физический облик, обычаи и нравы Аргентинской Республики”⁴. Он был автором сотен газетных передовиц, множества статей и очерков, выступил инициатором нескольких дискуссий, активно вмешивался во внутриполитическую жизнь Чили, вел борьбу с Росасом, пытался осуществить реформу орфографии, инициировал споры о путях развития испанского языка в Америке и о романтизме.

В Сантьяго Сармьенто основал первое в Чили и во всей Южной Америке педагогическое училище для подготовки учителей начальных школ, разработал собственный “Метод обучения чтению”, который в последующие десять лет применялся в чилийских школах.

Сармьенто не был мыслителем академического толка и не только потому, что не получил систематического образования. Сама аргентинская и южноамериканская действительность порождала вопросы, ответы на которые требовали иного, нетрадиционного подхода. Его принципом стал отказ от канона, традиции во всем: в политике, литературе, языке. У многих это вызывало непонимание и нападки на “сумасшедшего Сармьенто”. Он же предлагал своим критикам сменить учебники, приобрести новые идеи и использовать их для изучения своей родины и народа, его обычаев и заведений. Итог мог быть и несовершенным, “но вашим, и никто не оспорит написанного вами”⁵. И признавался, что учился в “университете мира” и строил планы “новой Аргентины” из всего, что доступно и достижимо, но отбирая лишь необходимое.

Как и лидер “поколения 1837 г.” Эчеверрия, Сармьенто использовал понятие “социализм”. Однако если у первого оно имело прямую связь с европейским утопическим социализмом (Сен-Симон, Леру), то для Сармьенто социализм означал “социальность” – идеал либерально-гражданского общества, которое он противопоставлял “варварству”, воцарившемуся в Аргентине с приходом к власти Росаса. Отвергая “мечтательность” романтизма, он утверждал идею “социальной” или “социалистической” литературы, под которой он понимал “необходимость обратить искусство и политику к науке с единственной целью: улучшить судьбу народов, покровительствовать либе-

³ *Sarmiento D.F. Obras selectas*, t. 1. Buenos Aires, 1944, p. 33.

⁴ *Сармьенто Д.Ф. Цивилизация и варварство: жизнеописание Хуана Фаундо Кироги, а также физический облик, обычаи и нравы Аргентинской Республики*. М., 1988.

⁵ *Sarmiento D.F. Op. cit.*, t. 1, p. 130.

ральному развитию, либеральным тенденциям и бороться с тенденциями ретроградными”⁶.

Д.Ф. Сармьенто волновал вопросы: в чем загадка поворота от идеалов Майской революции к контрреволюционной диктатуре Росаса? в чем загадка силы Росаса, перед властью которого смирились аргентинцы? Найденные ответы он представил на суд читателей в “Факундо”.

В основу своей концепции исторического развития Аргентины, изложенную им в книге “Факундо”, Д.Ф. Сармьенто положил антиномию “варварство – цивилизация”. По его убеждению, Аргентина в первой половине XIX в. стала ареной двух одновременных войн: одна – это война, которую вели города – носители и проводники европейской культуры, – “цивилизации” – против испанских колонизаторов и их наследия; вторая – это война отсталой деревни – “варварства” – против городов. В 1810 г. в ходе Майской революции города одержали победу над испанцами, а в 1829 г., с приходом к власти Росаса, деревня восторжествовала над городом. Варварство победило цивилизацию.

Сармьенто связал старую концепцию “варварство – цивилизация” с современными ему идеями о воздействии расово-этнического и природного начала на сущность человека, народа и превратил ее в метод исследования их характера, общественной жизни и истории с позиций идеала европейского прогресса. Он искал корни и источники “способа существования” аргентинской нации в “почве”, под которой он понимал природные условия вкупе с расово-этническим составом населения.

Д.Ф. Сармьенто возлагал вину за различие между городом и деревней на “почву” и порождаемого ею человека. В городах – прогресс, разум, труд, культура, гражданское общество, законность; в деревне – застой, иррациональность, произвол, косность, тирания.

Основу аргентинского “варварского” общества составляли гаучо. Этот тип аргентинца-метиса появился в результате слияния двух миров – испанского и индейского. Гаучо – центральная фигура в сельской местности, где скотоводство – не просто занятие населения, но способ его существования. Преобладание пастушеского населения сделало невозможным прогресс, так как человеческий коллектив не закреплен на земле. Исчезли или ослабели общественные связи. Отсутствие единого общества сделало невозможным любой вид правления.

В то же время пастушеская жизнь позволяла вести праздный образ жизни: труд, разум, время человеку не были нужны для увеличения средств существования. Но свои силы он не мог использовать и на общественном поприще из-за отсутствия человеческого объединения, что делало невозможным какое бы то ни было социальное развитие. “Таким образом, – пришел к выводу Сармьенто, – цивилизация неосуществима во всем, варварство нормально”⁷. Заключая характеристику гаучо, мыслитель отметил его антисоциальные черты: он лишен всяких обязанностей, свободен от любого подчинения, не имеет ни малейшего представления о власти.

Варварский образ жизни породил право на беззаконие. Среди аргентинцев установилось господство грубой силы, превосходство сильнейшего, возможность расправы без суда и следствия, безграничная и бесконтрольная власть тех, кто правит. Последствием подобного произвола было появление каудильо. Для Сармьенто очевидны социальные корни каудильизма: невозможность духовной жизни в Пампе, отсутствие общественных дел. В этих условиях самореализация человека в обществе становилась невозможной. Там, где не было общества, человек, наделенный незаурядными способностями, самоутверждался: он становился или преступником, или каудильо⁸. По этому пути шли Факундо Кирога, Росас и др.

Росаса и созданную им систему Д.Ф. Сармьенто считал воплощением аргентинского “способа существования”. Росас – первый гаучо и наездник Аргентинской Рес-

⁶ Ibid., p. 165.

⁷ Сармьенто Д.Ф. Цивилизация и варварство, с. 24.

⁸ Там же, с. 42.

публики – был воплощением силы Пампы, которой покори́лся город. Моделью государства ему послужила скотоводческая эстансия, где он жил долгие годы и приемы управления которой он перенес на страну.

Сармьенто далек от огульной критики Росаса. Его отличал диалектический подход к оценке деятельности последнего. С одной стороны, “великий злодей Росас”, сохраняя внешние формы республиканского правления, наделяет себя “Всей Полнотой Общественной Власти”, провозглашает себя “Славным Реставратором Законов” и объявляет войну не на жизнь, а на смерть всему, что связано с наследием Майской революции. Но он же – “великое, мощное орудие в руках Провидения, осуществляющее все, что важно для будущего родины”. Под лозунгом “Да здравствует федерация! Смерть дикарям-унитариям!” он создал унитарную систему правления, искоренил федералистский дух. Пророческим стал следующий вывод Сармьенто: “Идея унитариев воплощена в жизнь – лишний здесь только тиран, и в тот день, когда одержит верх достойное правительство, оно не встретит сопротивления со стороны провинций, и все будет готово к объединению страны”⁹.

В “Факундо” Сармьенто объяснил происхождение варварства. Но как обеспечить торжество цивилизации над варварством? Первоначально мыслитель хотел, по его собственным словам, “внести европейский дух в американскую действительность”. Путешествие по Европе, Африке и Америке в 1845–1848 гг., которое он предпринял по заданию чилийского правительства с целью изучения систем образования, заставило его отказаться от этого.

Знакомство с Европой разочаровало Д.Ф. Сармьенто. Здесь он увидел “печальное смешение величия и низости”, “мудрости и отупения”, “вместилище всего возвышающего человека и всего, что ведет его к одичанию”. Европейские монархии порождали упадок, революции, бедность, невежество.

Он не нашел цивилизацию ни в одной из европейских стран, где побывал: ни в Испании “с ее жестоким, оборванным и погрязшим в невежестве и безделье народом”, ни во Франции “с ее жалкими жителями, лживыми институтами и коррумпированной политикой”, ни в Италии, обитатели которой демонстрировали “последнюю степень, до которой может опуститься человеческое достоинство”, ни в Швейцарии, которая ни по своим размерам, ни обычаям, где “переплетались часто феодальные и демократические элементы”, не могла претендовать быть республикой¹⁰.

Разительный контраст с Европой представляли Соединенные Штаты, “где нет господ, аристократии, нет народа в римском понимании этого слова, а есть нация, и у всех равные права”¹¹. После Европы, в которой царило социальное неравенство, США предстали перед Сармьенто как пример наивысшей человеческой цивилизации.

В США он узнал хорошее и плохое, достоинства и недостатки, свершения и проблемы. Он видел прекрасные авениды и грязные улочки; чудесный район Бродвея и ужасные трущобы Гарлема, мораль в частной жизни и аморальность многих руководителей в общественной; прогресс демократических институтов и пороки политических партий; коррупцию на выборах, где господствовали партийные боссы; могучий дух инициативы, энергию поселенцев и жестокий эгоизм, рожденный погоней за богатством; общее благополучие, нищету и невежество части иммигрантов; религиозную веротерпимость и рабство негров. Последнее он назвал “паразитическим наростом на густом дереве американских свобод” и объяснял особенностями английской колонизации. Религиозная веротерпимость заставила его обратиться к проблеме отношений религии и государства, в особенности в области народного образования.

Сармьенто пришел к выводу, что будущее находится в США, а не в Европе. И если какая страна и походила на Аргентину по своей протяженности, редкому населению и срочной необходимости иммиграции, так это Соединенные Штаты.

⁹ Там же, с. 178.

¹⁰ *Sarmiento D.F.* Obras completas, v. I–LII, 2nd ed. Buenos Aires, 1948–1956, v. V, p. 316–317.

¹¹ *Ibid.*, v. V, p. 361.

Вывод Сармьенто в целом совпадал с мнением А. де Токвиля, который полагал, что не европейские страны, прежде всего Англия, а США сыграют главную роль в приобщении южноамериканских стран к цивилизации. Однако в отличие от французского мыслителя Сармьенто не придавал значения недостаткам американской цивилизации. Его не интересовали возможные в будущем новые опасности для человеческой цивилизации, которые Токвиль стремился увидеть за оптимистической картиной американской демократии. Сармьенто был идеологом и политиком ближней перспективы, а с этой точки зрения опыт США являлся последним словом человеческой цивилизации и его необходимо было срочно перенять.

Речь, прежде всего, шла о решении аграрного вопроса путем фермерской колонизации общественных земель, о развитии народного образования и демократизации общественно-политической жизни.

После возвращения в Чили Д.Ф. Сармьенто женился и занялся писательским трудом в Юнгае в поместье жены. Там он создал книги “Народное образование”, “Путешествия по Европе, Африке и Америке”, “Воспоминания о провинции”. В 1850 г. он опубликовал политический трактат “Архирополис”, где изложил свой проект государственного устройства стран Ла-Платы – Аргентины, Уругвая, Парагвая.

Живя в Юнгае, он издавал в Сантьяго-де-Чили ряд политических газет, где продолжал бескомпромиссную борьбу с Росасом. Аргентинский диктатор безуспешно пытался добиться у чилийского правительства высылки Сармьенто. Наконец он сам вступает в полемику, посвятив деятельности Сармьенто в Чили восемь страниц в своем ежегодном послании legislatures Буэнос-Айреса. Росас обвинил Сармьенто в государственной измене, называл его “дикий унитарий Доминго Ф. Сармьенто”, “мятежный Сармьенто”, “отвратительный Сармьенто”, “изменник Сармьенто”, “преступный заговорщик Сармьенто”. О “Факундо” Росас высказался следующим образом: “Это лучшая вещь, которая написана против меня; это обычный путь нападать на кого-либо; вы увидите, что никто не будет меня защищать столь же умело”.

В мае 1851 г. началось восстание губернатора Энтре-Риос Х.Х. Уркисы против Росаса. Сармьенто принял решение включиться в вооруженную борьбу и направился в армию Уркисы, вокруг которого объединились все противники диктатуры. Перед Уркисой он предстал в необычной европейской военной форме, самовольно присвоив себе звание подполковника. Уркаса признал воинское звание Сармьенто и поручил ему редактировать военный бюллетень. Материалы, опубликованные в бюллетене, стали основой для книги “Кампания Великой Армии”, в которой Сармьенто признался, что впервые увидел Пампу только во время этого похода.

Но Д.Ф. Сармьенто рвался к участию в военных и политических событиях. Он участвовал в битве при Монте-Касерос 3 февраля 1852 г., приведшей к падению диктатуры. В освобожденном Буэнос-Айресе, откуда Росас бежал в Англию, Сармьенто пером диктатора и в его собственном кабинете написал последнюю военную реляцию, возвещавшую победу.

Свержение Росаса сделало Сармьенто государственным деятелем. Через все сочинения Сармьенто после 1852 г. проходит одна главная мысль: как преодолеть варварство и построить цивилизованную Аргентину. В них он оставался горячим поборником развития Аргентины по американскому пути. Сармьенто решительно разошелся с Уркисой, который, сохранив у власти в провинциях каудильо, стал, по его мнению, диктатором, новым Росасом.

Помимо Сармьенто со своим проектом национального строительства выступил другой выдающийся аргентинский мыслитель Х.Б. Альберди. Его проект основного закона лег в основу принятой в 1853 г. конституции. Polemika Альберди–Сармьенто касалась путей дальнейшего развития Аргентины и стала важным этапом в развитии национальной политической мысли.

Как и Сармьенто, Альберди беспокоило отставание Аргентины от передовых стран. Как и Сармьенто, он видел корень аргентинских бед – бедность, деспотизм – в социально-экономической и культурной отсталости креольского населения и его

неспособности обеспечить прогресс и развитие страны. Как и Сармьенто, будущее Аргентины он связывал с созданием новой нации на основе массовой европейской иммиграции и развития ее производительных сил путем привлечения иностранного капитала. Но он расходился с ним в путях достижения этого.

В отличие от Сармьенто для Альберди утверждение в Аргентине либеральной демократии представлялось долгим процессом. Положение Аргентины кардинально отличалось от США и западноевропейских стран. Поэтому “было бы большим сумасбродством, – отмечал Альберди, – если аргентинская конституция копировала конституции свободных и цивилизованных стран”¹².

Для Альберди беды Аргентины и других южноамериканских стран проистекали из их стремления сразу же, непосредственно перейти от абсолютной монархии к “настоящей” республике. Альберди полагал, что между ними должен быть промежуточный этап – республика “возможная”. Она должна была покончить с анархией и существовать до тех пор, пока гражданские свободы не вызовут появления новых обычаев и привычек, которые позволили бы перейти к республике “действительной”. Предложенное Альберди решение воплотилось в конституции 1853 г., учредившей сильную президентскую власть. Альберди не скупился на похвалу следующему высказыванию С. Боливара: “Новые государства Америки, прежде испанской, нуждаются в королях под именем президентов”¹³. В этой роли он видел Уркису и ему посвятил свой проект новой Аргентины.

Доводы Альберди не убедили Сармьенто. Как и прежде, он был верен своей концепции “американизации” Аргентины, которая в последующие годы получила свое законченное выражение.

В отличие от Альберди Сармьенто не допускал компромисса со старым порядком. Для него варварство носило прежде всего социальный характер: безлюдная пастушеская деревня, одиночество, неграмотность. Альберди проецировал варварство на политический порядок: сопротивление власти, отрицание закона. Для Альберди символом цивилизации был порядок, неукоснительное соблюдение принципа власти. А все, что этому мешало, являлось варварством. У Сармьенто республика создает гражданина, который формирует общество. У Альберди наоборот: пока трансплантация европейской цивилизации не приведет к социальным изменениям, нужно опираться на традиционные социальные силы. Сармьенто считал достаточным при активном участии правительства перенести в Аргентину материальную часть цивилизации. Иммигрант должен быстро натурализоваться, и старая Аргентина исчезнет. В понимании Сармьенто республика “возможная” по Альберди означала аристократическую власть, являлась реакционной идеей.

Сармьенто указывал, что монархизация исполнительной власти будет иметь непредсказуемые для страны последствия, ее концентрация в руках федерального правительства сделает призрачным права провинций. Отсутствие сдержек и противовесов, гарантии прав меньшинства приведут к образованию провинциальных олигархий. Разрушению федеральной системы будет способствовать также конституционная фигура губернатора как агента федерального правительства. Верховенство провинций над местными органами, а национального правительства над провинциальными он не без оснований рассматривал как наихудшее из зол.

Сармьенто предлагал перенести в Аргентину конституционную модель США. Он был сторонником реальной федерации, выступал за такое федеральное правительство, в котором принимала бы участие каждая провинция, и таким образом, путем взаимного контроля, гарантировалась свобода. Без политических свобод в провинциях федеральная система не располагала бы “резервами свободы”, чтобы противостоять национальному правительству. Но чтобы в провинциях восторжествовала демократия,

¹² *Alberdi T.B. Bases y puntos de partida para la organización de la República Argentina. Buenos Aires, 1991, p. 20.*

¹³ *Ibid., p. 43.*

необходима была коренная реорганизация провинциальных легислатур, превращающая их через свободные выборы в центры народного представительства. По примеру США он предполагал учредить трехуровневую систему власти: муниципалитеты, провинциальные легислатуры и национальный конгресс. Каждый из этих органов имел бы разную власть и функции. Легислатура становилась “муниципалитетом муниципалитетов”. Конгресс – представителем населения каждой провинции¹⁴.

Сармьенто выступал против разграничения гражданских и политических прав. Для Альберди это была основополагающая идея, наиболее эффективная формула для решения проблемы установления политических свобод, надежная преграда на пути “неограниченной демократии”. Такой путь не устраивал Сармьенто. Вместо трансплантации гражданского общества он предлагал скопировать североамериканскую политическую систему – конституция и законы должны немедленно превратить иммигранта в гражданина, обязать принять его гражданство, как в США. “Различие между аргентинцами и иммигрантами необходимо устранить. Вместо двух наций должна быть одна Аргентинская нация; вместо двух прав – одно общее право. Иностранцы, говорит сеньор Альберди, пользуются гражданскими правами... Зачем проводить различие?”¹⁵. По мысли Сармьенто, неучастие в политической жизни формирует у иммигранта эгоизм, превращает его лишь в агента материального благополучия, исключая из демократического процесса, тогда как он должен быть “элементом порядка и свободы, стеной против варварства”.

Д.Ф. Сармьенто развил свою идею о роли всеобщего просвещения народа в преобразовании страны. В ней он видел ключ к решению всех стоящих перед страной проблем. Школа формирует национальное единство. Народное образование – отправной пункт для создания республики. “В школе закладываются основы республики и нации, которую мы должны создать”¹⁶. Цель образовательной системы – формирование граждан. Поэтому образование должно стать доступным для всех, его необходимо распространить на все классы общества. В отсутствии образования Сармьенто усматривал причины классовых различий. “У нас общество разделено на богатую аристократию, у которой земля и власть, и бедных белых, у которых нет состояния. Это результат плохого образования”, – утверждал он¹⁷.

По убеждению Сармьенто, равные права, предоставленные конституцией всем жителям страны, станут основой демократической организации лишь при условии, что они ими смогут сознательно пользоваться. Отсюда вытекала обязанность любого правительства дать образование подрастающему поколению. Бедный отец не мог быть ответственным за образование своих детей. Но общество заинтересовано дать образование всем детям, чтобы они со временем составили нацию на основе полученного в детстве образования и были в достаточной степени подготовлены к исполнению общественных обязанностей.

Для Сармьенто выход из классового неравенства лежал в создании единой для всех аргентинцев школы. При этом условии образование представляло бы реальное равенство, так как, учась в одной школе, дети богатых и бедных родителей получают одинаковое образование, будут разделять одинаковые привычки и культурные ценности. В такой школе образование создаст настоящую демократию, уравнивая расы и классы. Отсюда вытекала формула Сармьенто: “Школы – это демократия”. “Для того, чтобы в Аргентинской республике был мир, – утверждал он, – чтобы монтонерос (вооруженные отряды гаучо. – В.К.) не восставали, чтобы не было бродяг, нужно обучать настоящей демократии, дать всем одинаковое образование, чтобы все были равными”¹⁸.

¹⁴ *Sarmiento D.F. Obras completas*, v. VIII, p. 103, 241, 247.

¹⁵ *Ibid.*, p. 351.

¹⁶ *Ibid.*, v. XXI, p. 190.

¹⁷ *Ibid.*, p. 245.

¹⁸ *Ibid.*, p. 247.

В отличие от Альберди, который выступал за практическое образование, Сармьенто придавал школе роль важного агента социальных изменений и учителя, обучающего детей грамматике и арифметике, ставил на первое место. При этом он не был противником профессионально-технического образования, но считал, что ему требуется школьный фундамент.

Две силы, согласно Сармьенто, способны возродить страну: народное образование и иммиграция. Успешная иммиграция неразрывно связана с решением аграрного вопроса. Чтобы укорениться в стране, иммигранты должны получить в собственность землю. Одновременно землевладельцем должен стать гаучо. “Сегодня, – констатировал Сармьенто, уже будучи президентом, – гаучо не имеют клочка земли, где преклонить голову”¹⁹. Превращение гаучо в мирного земледельца навсегда покончит с монотонерой и каудильизмом, а получение образования разовьет его интеллект и позволит с большей производительностью трудиться на земле.

Моделью будущего аграрного строя должны стать земледельческие колонии, наподобие созданной по инициативе Сармьенто в Чивилькое, “с землей для каждого главы семьи и школы для его детей”²⁰. В колониях на собственной земле трудились бы вчерашние гаучо и иммигрант; здесь же они и их дети учились бы. По убеждению Сармьенто, образование и аграрная демократия нераздельны, являясь эффективным средством борьбы с варварством и основой цивилизации.

Возвращаясь к проблеме “варварство – цивилизация”, уже будучи государственным деятелем, Сармьенто связывал варварство с архаичным способом ведения скотоводства. Распределение земли соответствовало варварскому обществу. Здесь корень зла. “Занять, владеть и не заселять” – было неписаным правилом колонизации. В течение трех веков земля являлась объектом присвоения, а не работы. “Собственностью был скот, земля не обрабатывалась”²¹. “Каудильизм – результат выращивания скота, без земледелия. Росас был губернатором скота”. “Вашингтон и Росас представляют собой две системы колонизации”²². Как и прежде, в решении аграрного вопроса Сармьенто вдохновлялся примером США. В то же время Сармьенто не выступал против существовавшей крупной земельной собственности, ратуя лишь за превращение скотоводческих латифундий в современные эстансии. Такой смысл имел его призыв к эстансьеро: “огораживайте поля, не будьте варварами”. Эта впечатляющая программа, будь она выполнена, превратила бы Аргентину в передовую страну своего времени. Однако на пути ее осуществления стояло множество препятствий.

Свержение диктатуры Росаса не принесло стране мира. Аргентина раскололась на два государства: Аргентинскую конфедерацию во главе с Уркисой и Буэнос-Айрес, где к власти пришли либералы во главе с Б. Митре. Раздельное существование двух государств продолжалось десять лет, полных взаимных конфликтов, войн, экономического соперничества.

В этой борьбе либерал и масон Сармьенто постарался занять нейтральную позицию, выступая за воссоединение Аргентины. По его образному выражению, он был “провинциалом в Буэнос-Айресе и буэнос-айресцем в провинциях, но аргентинцем всегда и везде”. Как и все либералы, он отказывал Уркисе в праве на руководство страной, ограничивая его миссию “уничтожением тирании Росаса”. Характеризуя Уркису как диктатора, он считал необходимым объединение страны вокруг Буэнос-Айреса.

В Буэнос-Айресе Сармьенто активно участвовал в общественно-политической жизни: его избрали сперва муниципальным советником, потом сенатором и депутатом Конституционной ассамблеи; он занял должность министра в правительстве Буэнос-Айреса, а после объединения Аргентины под президентством Митре в 1862 г. стал губернатором родной провинции Сан-Хуан.

¹⁹ Ibid., p. 242.

²⁰ Ibid., p. 261.

²¹ Ibid., v. XXIII, p. 25.

²² Ibid., p. 262, 292.

На всех выборах и административных постах Сармьенто боролся за проведение реформ. Он стремился реформировать все: от мер и весов до избирательной системы.

Возглавив совет по народному образованию, он приступил к реформе образовательной системы Буэнос-Айреса: выступил инициатором преподавания иностранных языков, музыки и пения в государственных школах; добился увеличения числа учителей женщин и открытия новых школ. Для финансирования образовательных программ он предложил использовать средства от продажи муниципальной собственности, а также налога на наследство, части доходов от лотерей и средств провинциального банка. Одновременно Сармьенто выступал за создание пенсионного фонда для учителей.

Поистине революционными, опережающими свое время, были предложения Сармьенто в политической области: перейти от группировок персоналистского типа к созданию политических партий с четкой идейно-политической ориентацией, которые действовали бы в условиях демократической избирательной системы. Современные ему выборы с подлогами и насилием он квалифицировал как “порождающие преступления и фальсифицирующие общественное сознание”.

Наибольшим достижением Сармьенто, реальным результатом его общественно-политической деятельности стало создание земледельческой колонии в Чивилькое, где сотни семей иммигрантов получили в собственность обрабатываемую ими землю.

Сармьенто понимал, что сама по себе собственность на землю была недостаточным условием для успешного ведения хозяйства. Если земледелие являлось источником безграничного богатства, то для его реализации нужны были рынки и соответствующие пути сообщения. В представлении Сармьенто развитие земледелия и строительство железных дорог были неразрывно связаны. Он задавался вопросом: “Что нам не хватает, чтобы превратить Пампу в нацию?” И отвечал: “Закон о земле и железные дороги... произведут, на наш взгляд, наибольшие чудеса из тех, что мы видим там, где этот закон и эти железные дороги существуют”²³. Железные дороги представляют прогресс, а прогресс – это модернизация: машины для пахоты, для молотбы, для косыбы и жатвы. Перед глазами Сармьенто стоял пример США.

Наиболее серьезным препятствием на пути строительства железных дорог Сармьенто считал латифундии. Для устранения этого препятствия он предлагал разделить земельную собственность эстансiero, экспроприировав ее на пути следования железной дороги. Экспроприированная земля должна быть разделена на небольшие участки и продаваться по себестоимости колонистам для устройства ферм. Владельцы эстансий сохраняли половину земли “в чередующихся участках по той или иной стороне дороги или по обоим вместе”. Сармьенто подчеркивал, что этой системе следуют США. Легислатура Буэнос-Айреса отвергла эти предложения Сармьенто.

Между тем с образованием единого государства противоречия между Буэнос-Айресом и провинциями, стремившимися к равноправию, не исчезли. Либералы не пользовались поддержкой в провинциях, и президенту Митре пришлось прибегнуть к военной силе, чтобы обеспечить власть центрального правительства. В ответ на это под знаменем федерализма начались восстания каудильо в провинциях. К этому времени их взгляды значительно изменились и они стали выступать под знаменем конституции против экономического подавления провинций Буэнос-Айресом.

Всего этого не хотел видеть Сармьенто. Для него А.В. Пеньялоса, Уркиса и другие каудильо продолжали оставаться варварами, и их вооруженные выступления против национального правительства однозначно являлись актами государственной измены и подлежали беспощадному подавлению. Поэтому он всецело поддержал так называемую полицейскую войну, которую Митре приказал вести против повстанцев. Эти взгляды Сармьенто ярко выразились в его письмах к Митре: “Уркиса должен исчезнуть со сцены во что бы то ни стало... Саутхэмптон (Место в Англии, где в изгнании жил Росас. – В.К.) или виселица”²⁴. Он советовал Митре: “Не пытайтесь экономить кровь

²³ Ibid., v. XXV, p. 151.

²⁴ Archiko del general Mitre, t. I–XXVIII. Buenos Aires, 1911–1912, t. IX, p. 367.

гаучо. Это удобрение, которое нужно сделать полезным для страны. Кровь – это единственное, что есть у этих человеческих существ”²⁵. В этом проявилось двойственное отношение Сармьенто к гаучо. Он различал гаучо – варвара и бандита. Первого надо было включить в цивилизацию, второго – уничтожить.

Своих взглядов Сармьенто не изменял и будучи губернатором Сан-Хуана. Здесь он впервые получил возможность на практике осуществить свою программу реформ. Новый губернатор добился введения обязательного начального образования в провинции, организации муниципальных служб, сельской и городской полиции, бюро статистики. Началось осуществление программы ирригации, что позволило ввести в сельхозоборот новые земли, организовать первые земледельческие колонии. Для развития горнорудной промышленности была учреждена компания, акционером которой стал и Сармьенто.

Казалось, что преобразовательская деятельность губернатора должна была встретить сочувствие и поддержку в провинции. Однако произошло обратное. Все начинания Сармьенто, сами по себе необходимые и полезные, были рассчитаны на длительный срок и не могли дать немедленных результатов, но требовали немалых расходов, которые он пытался возместить налогами на состоятельные слои населения и церковь, что вызывало оппозицию с их стороны. Простые люди плохо понимали методы и цели реформ. Губернатору не могло прибавить популярности и запрещение гаучо носить традиционную одежду, которую Сармьенто считал признаком варварства. В глазах многих он был атеистом, масоном, а значит – врагом церкви.

Положение осложнилось начавшимся восстанием Пеньялосы. Сармьенто, назначенный Митре “Руководителем войны”, принял чрезвычайные меры: ввел в провинции военное положение, а также тюремное заключение за нелегальное ношение оружия. После подавления восстания взятый в плен каудильо был расстрелян. Политические противники обвиняли Сармьенто в казни Пеньялосы. Он отрицал эти обвинения, утверждая, что не отдавал такого приказа. Вместе с тем вся атмосфера “полицейской войны” на уничтожение “бандитов”, а не политических противников, сделала возможным расстрел Пеньялосы без суда и следствия.

В 1864 г. положение Сармьенто на посту губернатора стало крайне сложным. К экономическим трудностям и оппозиции внутри провинции прибавился конфликт с центральным правительством, обвинившем губернатора в незаконном введении чрезвычайного положения, которое относилось к ведению федеральных органов власти. В апреле Сармьенто подал в отставку и получил назначение послом в США. В Соединенных Штатах, помимо выполнения своих дипломатических обязанностей, он много времени уделял изучению американского опыта в различных областях экономики, политики, образования. Но положительная оценка США не заслоняла от него и отрицательных сторон американской внешней политики, в частности, то негативное влияние, которое могла иметь для Латинской Америки “доктрина Монро”.

В 1868 г. Сармьенто стал президентом Аргентины. Его кандидатуру выдвинули военные и поддержала часть либералов. Страна устала от постоянных войн, поэтому лозунг Сармьенто: “Мир, общественный порядок, свобода!” – встретил повсеместную поддержку и принес ему победу.

Президент Сармьенто мало напоминал того политика, который когда-то стремился быстро, со дня на день, невзирая ни на какие трудности, покончить с варварством и цивилизовать Аргентину. Многолетний опыт политической борьбы научил его сообразовывать свои планы с конкретными условиями страны, исходить из реального соотношения сил при проведении политики.

Объективный ход развития Аргентины требовал окончательной консолидации национального государства. Это хорошо понимал Уркиса, который после распада Аргентинской конфедерации остался губернатором Энтре-Риос, и с которым Сармьенто постарался достичь соглашения, обеспечив его активную поддержку действий цент-

²⁵ Ibid., p. 363.

рального правительства. Теперь он был для Сармьенто не кандидатом на виселицу, а главным гарантом внутривластической стабильности. В феврале 1870 г. в годовщину битвы при Монте-Касерос Сармьенто посетил Энтре-Риос, где его сердечно встретил Уркиса. Однако соглашение Сармьенто–Уркиса, нацеленное на достижение мира в стране, привело к новой войне.

Совокупность причин, порожденных борьбой как прежних каудильо, исчерпавшей себя уже к 70-м годам XIX в., так и новых, возникших в результате начавшейся модернизации, привела в апреле 1870 г. к перевороту, во время которого Уркиса был убит. Новый губернатор Лопес Хордан выступил сторонником автономии провинции. Правительство Сармьенто не признало нового губернатора, объявив его и поддерживавшие его силы государственными преступниками, и направило против них крупные военные силы. Сармьенто считал, что убийство Уркисы станет сигналом к новой войне, подорвет доверие к государству со стороны иностранных вкладчиков капитала и сорвет его политику национального строительства. Началась вооруженная борьба, принявшая затяжной и кровопролитный характер. Только через год правительственным войскам удалось подавить восстание. Скрывшемуся Лопесу Хордану удалось в 1873 г. вновь поднять восстание. Новая война потребовала новых жертв и немалых расходов. Сторонники Лопеса Хордана совершили неудавшееся покушение на президента, который остался жив и здоров.

Несмотря на сложное внутреннее положение, Сармьенто твердо проводил свою политику модернизации Аргентины. Прежде всего он пытался осуществить свою аграрную программу. В посланиях конгрессу он постоянно говорил о необходимости принятия закона о земле. Его беспокоил продолжавшийся рост латифундизма. Причину этого он видел в непродуманной системе колонизации, в результате которой в плохо заселенной стране большая часть земли оказалась в частной собственности. Закон об общественной земле должен был положить конец ее отчуждению в размерах, “достаточных в Европе для размещения королевства”.

Представленный Сармьенто конгрессу законопроект о колонизации общественной земли вдоль железнодорожных и водных путей предусматривал предварительное межевание и классификацию; устанавливал максимальный размер приобретаемого участка, который должен был продаваться по низкой цене и в рассрочку. Законопроект ориентировался на покупателя со скромными средствами и преследовал цель заселить страну колонистами – собственниками земли. По мнению Сармьенто, такой тип колонизации являлся одной из главных основ национального богатства, а развитие земледелия принесет в Аргентину цивилизацию. “Необходимо владеть землей, обрабатывать ее, жить на ней, заселять ее, чтобы на ней рождались и развивались ремесла и искусства”, – полагал он²⁶. Законопроект даже не был рассмотрен законодателями и отправлен в архив.

Такая же участь постигла законопроект об избирательной реформе. Для борьбы с подлогами и фальсификациями на выборах Сармьенто предложил создать избирательные округа с последующим введением в стране всеобщего избирательного права при тайном голосовании.

Больше повезло его образовательной программе. Принятые правительством Сармьенто меры по развитию культуры и образования позволили приступить к созданию системы начального, среднего и специального образования, сети публичных библиотек. Бедные ученики начальных школ получали стипендии. В университетах Буэнос-Айреса и Кордовы открылись факультеты естественных наук. В Кордове начали работать Академия точных наук и астрономическая обсерватория. В стране была введена метрическая система мер и весов, принят гражданский кодекс.

В годы, последовавшие после президентства, Сармьенто не прекратил борьбу за проведение демократических преобразований. В 1875 г., будучи сенатором, он вновь настаивал на своем законопроекте о голосовании по округам как основы для борьбы с

²⁶ *Sarmiento D.F. Obras completas*, v. XVI, p. 28–29.

подлогами на выборах. В 1879 г., став на короткое время министром внутренних дел, он выступал против Лиги губернаторов и вооружения провинциальных милиций, внес законопроект, запрещавший провинциальным властям иметь собственные вооруженные силы. Его цель – обеспечить свободные выборы. Одновременно он поддержал попытку молодежи Буэнос-Айреса создать первую политическую партию – республиканскую, выдвинувшую программу демократизации государственного строя, защиты национальной промышленности и сельского хозяйства, фермерской колонизации общественной земли. Это была программа Сармьенто, и молодежь попыталась выдвинуть его кандидатуру на президентских выборах 1880 г. Но все было напрасно. Восторжествовала иная линия – на установление в стране олигархического режима и ликвидацию той “куцей” демократии, которая существовала. В годы “уникато” – президентского самодержавия, Сармьенто продолжал борьбу, критикуя правящую камарилью в газете “Эль Сенсор”.

Сармьенто активно поддержал развернувшуюся в 1881–1884 гг. кампанию за утверждение в стране светского образования. Он, как и прежде, считал школьное образование основой цивилизации. И в принятом в 1884 г. законе о всеобщем обязательном начальном бесплатном светском образовании была его немалая заслуга.

Неудачная попытка Сармьенто перевести развитие Аргентины на американский путь заставила его уже в преклонном возрасте вернуться к рассмотрению особенностей исторического развития Аргентины и всей Южной Америки. Плодом этих размышлений стала книга “Конфликт и гармония рас в Америке” (1883), в которой дальнейшее развитие получила его социологическая концепция.

Если “Факундо” был описанием конфликта между прошлым, колониальным и варварским, и будущим, аргентинским и цивилизованным, то новая работа претендовала объяснить этот конфликт. Сармьенто признавался, что новая книга претендует быть “Факундо, доживший до старости”. Концепция географической среды как первопричины экономического и культурного развития, изложенная в “Факундо”, дополнялась расовой. В конфликте рас Сармьенто усматривал глубинную причину отсталости южноамериканских стран.

В “Конфликте...” Сармьенто широко использовал сравнительно-исторический метод исследования: испанская конкиста Южной Америки сравнивается им с английской колонизацией Северной Америки, а Испания с Англией.

Различные пути эволюции метрополий нашли отражение в их американских колониях. Цивилизация янки была результатом “работы плуга и буквы”, южноамериканская – “креста и сабли”. Там учились “работать и читать”, здесь – “развлекаться и молиться”. Отличная от английской, испанская колонизация создала серьезную проблему метизации, неизвестную в Северной Америке, где белые не смешивались с индейцами.

Главный вывод, который сделал Сармьенто из сравнения двух колонизаций, это неполноценность испано-американской расы. Она стала причиной всех южноамериканских зол. Война за независимости не только их не устранила, но еще больше обострила. Сармьенто развивает свое старое, еще в “Факундо” высказанное положение, что Война за независимость была порождена европейскими идеями. В “Конфликте...” он показывает, что они не имели корней в местной почве.

Где же выход? Сармьенто по-прежнему настаивал, что разная психология рас обусловила различные результаты двух колонизаций: английской и испанской; и объяснял злосчастия Южной Америки двумя обстоятельствами: испанским наследием и смешением рас. Выход виделся в притоке в Аргентину белой расы и замене его испано-американской.

Еще с 1876 г. Сармьенто страдал болезнью сердца. В 1887 г. после обострения болезни Сармьенто по совету врачей переехал жить в столицу Парагвая г. Асунсьон, где и умер 11 сентября 1888 г. Он отказался от причастия и, как подлинный “гражданин Америки”, завещал покрыть свой гроб знаменами Аргентины, Чили, Уругвая и Парагвая – стран, с которыми были связаны его жизнь и борьба.

Смерть Сармьенто взволновала всю страну и имела широкие отклики в соседних странах. Ему отдавали должное как друзья, так и враги. Еще ранее, в ознаменование его заслуг, правительство приняло решение об издании полного собрания его сочинений.

Сармьенто прочно вошел в культуру Аргентины и всей Латинской Америки. Уже в XIX в. его антиномия “варварство – цивилизация”, полемически или позитивно воспринятая, послужила для многих латиноамериканских мыслителей, философов, социологов, историков, политиков основой для размышлений о судьбах своих стран и континента в целом. Фигура Сармьенто и сегодня находится в центре споров о путях национальной истории. Для одних он великий просветитель, преобразователь Аргентины. Другие, и таких немало, не учитывая исторической перспективы, обвиняют его в расизме, ставят в вину его якобы безоглядное благоволение перед США. Сам Сармьенто, как бы предвидя эти упреки, незадолго до смерти в своей “Автобиографии” писал: “...политическая смерть меня не волнует; ведь главное – оставить людям лучшие условия для творческого развития, умиротворить страну, укрепить ее институты, покрыть ее территорию сетью железных дорог, а ее реки сотнями пароходов, чтобы все могли наслаждаться радостями жизни, которыми мне пришлось пользоваться лишь украдкой”²⁷.

²⁷ *Sarmiento D.F.* Infancia de Sarmiento contada por el mismo en paginas inmortales. Buenos Aires, 1938, p. 10–11.